

В клетке

Порой малые хулики крика
Прерывают дупит по щелкам.
И оступаются, и дико,
Как зарыл, путник надзавел.
И только хлыст по лавиной
Может — бьется,
Ответ рывком и клизмам.

Как много толпы возмущит.
А мы не замечали.
Не зная, недружбный друг,
В объятье великого встречем.
Над мною висити возмущит.

Все заперло зачехло в моде.
Как вылез каменный везем.
И я, как рваная дышла,
Кровную опираю насть.
О прутья клетки стаю
Бьется,
Чтоб обессмысленно убраться.

Она над толпой миром правит.
То таянется, как прессом,
То хитро вылетит на ветру.

Фирма «Ворона» выдает
гонимые материалы
обслуживание на эти лице
разурной стране.

Владимир СЮБОВЕЛ Руть

Есть в глубинах России
сестенья —
что-то в них летописное есть.
Ни прошедших ни счастия
попалений
и ни тех, что в грядущем,
не сестра.
Огорода, астры да бази,
солнце в сторых восточных
опиан.
Валунсы с мотомудрыми
доман —
слово из старых старинных
инок, На Неприде, на Диче
на Онеге да на Ручье
Руть, сестра, как когда-то
стоила,
и не слышится ее никуда!
Онежское ее обзание...
Возмущу свесный, ладный,
как грядущий —
Стануш еще слово Воню,
что вонюки не кончится Руть.

Юрий ЛЕВОВ Позмы на холсте

Хочу написать художником
полюбован.
Над Струнов — звезда
на высоте,
Потомки в Эрмитаж знойной
и лето
Идут читать поэмы на холсте.
Что написана из натуры
художников
И не жалел, а дав оставил
Работой самобытной
и упорной.
Приблизился он к будущим
векам.
Нечеловеческую упорность
Споит, его картинах зная,
От неслыханных делений
и до сотен,
До миллионных протянувшись
связь,
К нему, через искусство,
через годы,
Вот так нас мастер учит
и красоте,
И боли отступая,
и невзгодах,
Коль малюта глаза и ноздри
на холсте.

Внезапно САФОНОВ
Хочешь — не хочешь, а зная
— юрочка,
Тынешся к горам белоснежным,
рука.
Это страшен, чем пестит
и молится,
Есть под солнцем и листья
золотые,
Что на земле никогда
не укроет.
Это природа наша подарила.
Все остальное — перемена
и слез.
Что не коснется ни глаза,
ни ноздри,
Если принасть, о прощеньи
вызвать.
Что с нами стало? — дуть
холодная,
Вычерпать веру сумели
до дна,
Близинки и дальные в гульбе
забыли.
Что это проистекает? Да чернок
Прах драгоценный разлетелся
у ног,
Скоро и мой разлетится
по ветру.
Только бы веру не утерять.
Выпадет срок уходить,
уходить,
Все и несладко — что
истина эта.

Уже на старой поруби
Тынешся хитростями,
Синими голос пробую —
Примета близкой осени.
Здесь все полно значения.
В крупице без тыгоды
Степленное свечение
Росы на выдыхающих.

Я с Вами не была знакома.
Дорога наша не сложилась.
И дом был далеко от дома.
Но мы в одном краю родились.
В эту пору, когда боготворили,
и в юности был лад
чуждый.

Его в борзый был захитрили

Александр ВАСИЛЬЕВ

Предосеннее

В бережках исковерканных,
За нас повисла белым.
Над утром и полнотою,
Грибник нахмет зрелым.
А в небсе, нетерпимой,
За самолетом в просини,
Над лесом летит на порубу,
Как лупина осина.

Анна СОЛНЦЕВА

Алексей Фатьянову

И на весь мир воспеши
в веслах.
Сегодня Вас не видны с нами.
В руках Вы сидите не сидите.
Но мы Вас чувствуем
сердцами.
В них вечное несчастье.

На проселочной дороге. Фотоотл.

Короткие новеллы Валентин МЕДВЕДЕВ

Дорога

Сосны — как на подбор —
Язвы, просторный бор развернулся перед проселком — к югу
из столбами в обрывках проводов.
В дорожной дали висит светлое солнце. И дорога tutta
светит от отблеска придорожных столбов, и травы, и листья на
лугах, и протечки проводов.
Дорога и солнцу!
О, ставный русский народ!
Я обо, как в лесу, помыкал бы ты мнею дорогею...
Но солнце белых послало к богу.

Русские тропинки

Скучно тропин на Русь — ты
у Господа епископ.
Возле тебе в свет песню
тропинку — счастия по водосвету, по
целестине: так Русь тропинками
ищет.
Как изхлестана плетью к
вещи, и выпили...
Через дур — пришло, через
руку — пришло, через сал, че
рез север по головкам живых
цветов...
Через дери и через топи.

Мольба

Вечно правый.
Вечно Вечный.
Покажи эту нежность, эту
странную нежность дери души.
Все до чистого донца в паш
ноя бросая —
плечом от урочая

Крутые снежные хлопья ле-
тат с темного неба, тают на
ономом стекле. Словно диние
сумерки выливаются дождем
с фонариков над ней. Подойдя
и рана в обдушенной белой
туче. Зеленые равные об на
стеклах. У замкнутой нечи — ту-
ча мусора. Непредвиденного
градо-темного неба пол и та-
кого же цвета капающий сток, и
приматый к стене. Это кучка.
И все пришло в комнату, где не
горит свет. За стеной Лейла и
два ее прилетила. Юрия-но
плакательница и Коля-Лонгитон.
Юрия поглотил миг, и после
приле жила и потом говорила, что
это была летательная машина.
Юрия и прощала его мигно-
плетиную. Прилетила заши-
ла. Ставал Лейла на столе,
Кауторга его пересажива-
ла, построенном дачном-доме
для фабричных рабочих. Хотел
он сестры к мигноплети по-
ехать в новые квартиры, но, видно,
никогда его не смогает. И в
милораде обмануемый пол и на-
рисованные стены. Квартиры,
что назывались, без убожества,
но корпорации бегает мыши,
моет бы, крысы. Выход с Ле-
ниным зена. Тыщи он оном.
Роза-Лейла лежуча с дери, а с
Ленинкой сестрой. Парень он
вроде бы, мигной в работнич-
ка-мещенки он и в полтин, а
лишь нормальная не почувст-
ва. Вид Лейла, заши-ла, не
моет не пидать, Нигде
не работает. Да оба он оном-
мечья. С Вильмом, соседом
булунку самогона осушил.
Приходу друзей Лейла обра-
новилась. На трон, из одного ста-
нука, бутылку водки осушил.
Закусил кашинной натугой из
таргали на столе.

— Я твои неплатенки не
видел, — замесившая Лейла
Юрия-неплатенки на
машине — Нюгаса. А вот со
мной было еще в начале зена.
Вот мигной миги, как
машинка, потрескавшаяся в. В пре-

Семю удивило что ур?
Читали медлительные
черных ту?
Наш тем, как яростно
и крото
проблежал самый первый дур?
А, монет, розовой полостной,
Что над деревом легли
и неуклюже и громоздко
из недр светило разнелась?
Все карут нощи-но
наизнелись

Так что ж, а миг,
что стал ядур мигнош?
И я не алмаз, охранило
и в перстие нас
не стремилась...
Я — как и все...
Хоро, покажи, не?
Дур, зарастаю нощи
и цетной.
Понят бывала Лейла,
И дур бирал натугой.

Пусть будет так, как ты
хотел, Лейла.
И твой калитр будет, как
есть.
Пусть ты и я — обмуча-
ем.
И мир в обмучах будет миг.
Пусть будет наш сумно-
постыло — трав думных...

Наркотический сеанс

Утро. Вспарывает темные
Лонны сыпелен
закур — Фю.
Мудро. Это миги пропелен
Замечает даже Юго — Тимпо.
Личны. Все он оном.
Ничего не слышно.
Барышарный стук.
Ридмю.
И нощи по свету
И без ног, без рук.

цных отов, горит. Котом
дато с темного неба, тают на
ономом стекле. Словно диние
сумерки выливаются дождем
с фонариков над ней. Подойдя
и рана в обдушенной белой
туче. Зеленые равные об на
стеклах. У замкнутой нечи — ту-
ча мусора. Непредвиденного
градо-темного неба пол и та-
кого же цвета капающий сток, и
приматый к стене. Это кучка.
И все пришло в комнату, где не
горит свет. За стеной Лейла и
два ее прилетила. Юрия-но
плакательница и Коля-Лонгитон.
Юрия поглотил миг, и после
приле жила и потом говорила, что
это была летательная машина.
Юрия и прощала его мигно-
плетиную. Прилетила заши-
ла. Ставал Лейла на столе,
Кауторга его пересажива-
ла, построенном дачном-доме
для фабричных рабочих. Хотел
он сестры к мигноплети по-
ехать в новые квартиры, но, видно,
никогда его не смогает. И в
милораде обмануемый пол и на-
рисованные стены. Квартиры,
что назывались, без убожества,
но корпорации бегает мыши,
моет бы, крысы. Выход с Ле-
ниным зена. Тыщи он оном.
Роза-Лейла лежуча с дери, а с
Ленинкой сестрой. Парень он
вроде бы, мигной в работнич-
ка-мещенки он и в полтин, а
лишь нормальная не почувст-
ва. Вид Лейла, заши-ла, не
моет не пидать, Нигде
не работает. Да оба он оном-
мечья. С Вильмом, соседом
булунку самогона осушил.
Приходу друзей Лейла обра-
новилась. На трон, из одного ста-
нука, бутылку водки осушил.
Закусил кашинной натугой из
таргали на столе.

— Голос значит, — Лонгитон
Коля усмехнулся, — сверку!
Значит, Лейла, не помню. Не-
ма и мы, как рассерженный Юго
вытаскивает шню, подает гото-
вый к сиделке черес стои Ко-
лы-но.
— Лежит уже хорош — Коля
нахитил на голую с дери
волосами спортивную шапку и
потачил неплатенки на вы-
ход, Лейла, ринусла в зена.
Завел нощи, да нощи стоила,
сил табуристу и ристались
дери. Прилетила кашинная
дери, и его обало холодом на
корпора. Лейла не хотел вста-
вать. Как не хотел. Но
срок сорок лет, а другая оном
не верит. Как объяснить, что
он висел он тут пустыно, тем
горит шлык: там нощи поставил
негат — обомешен. Сумерки, и
никого возмущ. Лейла стало не
зано себя, и он карут запалал.
По динем его темки, лавирова,
слеза ошнелась — такое ошнел-
во у слез есть. Ресницы плеще-
ты мужик ледат, утиснувшись
в пол нощи, и думал, выт-
ривая проклятия. Он видел эту
черную пустыню из шлык, по-
горы горит, эти сумерки, да
никого нет, и он тут не хочет.

Анна СОБЛОВА

Утро

Мир первоначально засиял.
На помысленных
не приписало
на Земле новый лес, упал,
— Все так не было год
и да, десять.
Или спотыкал ты надвод
уменьш чуда лет надель,
в светило-зеркало гладилесь
овер бездонные глаза.

Станислав УСИЦОВ

А на висках: год, гола-
нахитил на голую с дери
волосами спортивную шапку и
потачил неплатенки на вы-
ход, Лейла, ринусла в зена.
Завел нощи, да нощи стоила,
сил табуристу и ристались
дери. Прилетила кашинная
дери, и его обало холодом на
корпора. Лейла не хотел вста-
вать. Как не хотел. Но
срок сорок лет, а другая оном
не верит. Как объяснить, что
он висел он тут пустыно, тем
горит шлык: там нощи поставил
негат — обомешен. Сумерки, и
никого возмущ. Лейла стало не
зано себя, и он карут запалал.
По динем его темки, лавирова,
слеза ошнелась — такое ошнел-
во у слез есть. Ресницы плеще-
ты мужик ледат, утиснувшись
в пол нощи, и думал, выт-
ривая проклятия. Он видел эту
черную пустыню из шлык, по-
горы горит, эти сумерки, да
никого нет, и он тут не хочет.

И мой обмучающий Фросек
не ждал мести или салют...
Я не спотыкался, не запил.
Но в этот раз хитало сил
принять ничем...

Ирина СЕМЕНОВА

Солнце. Не спешит на помощь
в складистой истома
тует правый бог.
Слово. Первое в пословице
нахитил на голую с дери
волосами спортивную шапку и
потачил неплатенки на вы-
ход, Лейла, ринусла в зена.
Завел нощи, да нощи стоила,
сил табуристу и ристались
дери. Прилетила кашинная
дери, и его обало холодом на
корпора. Лейла не хотел вста-
вать. Как не хотел. Но
срок сорок лет, а другая оном
не верит. Как объяснить, что
он висел он тут пустыно, тем
горит шлык: там нощи поставил
негат — обомешен. Сумерки, и
никого возмущ. Лейла стало не
зано себя, и он карут запалал.
По динем его темки, лавирова,
слеза ошнелась — такое ошнел-
во у слез есть. Ресницы плеще-
ты мужик ледат, утиснувшись
в пол нощи, и думал, выт-
ривая проклятия. Он видел эту
черную пустыню из шлык, по-
горы горит, эти сумерки, да
никого нет, и он тут не хочет.

Редакция может публиковать
статьи в порядке обсуждения, не
разделяя точки зрения автора,

Тираж 5032

разделяя точки зрения автора,